

Кононова Яна Дмитриевна

ОБРАЗ ИИСУСА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХРИСТИАНСКОГО ПРЕДАНИЯ В РОМАНЕ Э.-Э. ШМИТТА "ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ПИЛАТА"

В статье на примере романа французского писателя Эрика Эммануила Шмитта "Евангелие от Пилата" рассмотрены проблемы интерпретации библейских и евангельских текстов в современной литературе. Особое внимание уделяется образу Иисуса Христа, истории его жизни и жертвенного подвига во имя человечества. Также анализируются коллизии, связанные с историей Понтия Пилата. Показано, как сакральный сюжет помогает автору обратиться к важным современным проблемам.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/1-2/25.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 108-113. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

12. **О поставках товаров для государственных нужд** [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 24.11.1993 № 2588-ХП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Беларусь».
13. **О проведении электронных аукционов** [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь от 30.12.2010 № 708. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Беларусь».
14. **О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд** [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. **О ратификации Соглашения о государственных (муниципальных) закупках** [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 28.12.2010 № 211-З. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Беларусь».
16. **О ратификации Соглашения о государственных (муниципальных) закупках** [Электронный ресурс]: Закон Респ. Казахстан от 08.06.2011 № 457-IV. Доступ из справ.-правовой системы «Параграф».
17. **О ратификации Соглашения о государственных (муниципальных) закупках** [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 11.06.2011 № 176-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. **О федеральной контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг** [Электронный ресурс]: проект федерального закона Минэкономразвития Российской Федерации от 18.10.2011. URL: http://www.economy.gov.ru/minec/about/structure/depfks/doc20111018_02 (дата обращения: 15.10.2012).
19. **Об организации проведения встречи глав государств и правительств стран – участников форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» в 2012 году, о развитии города Владивостока как центра международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации** [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 08.05.2009 № 93-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
20. **Об утверждении перечня, а также правил приобретения товаров, работ, услуг на организованных электронных торгах** [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Республики Казахстан от 15.11.2007 № 1084 (в ред. от 30.12.2009). Доступ из справ.-правовой системы «Параграф».
21. **Смирнов В. И.** Электронные аукционы – финиш 94-го Закона // Госзаказ: управление, размещение, обеспечение. 2010. № 21. С. 3-44.

NORMATIVE-LEGAL AND INFORMATIONAL SUPPORT OF STATE PROCUREMENTS: RUSSIAN REALIA AND FOREIGN EXPERIENCE

Irina Bekenovna Kolysheva

Department of Private Law

Russian State University for the Humanities

i.kolysheva@ya.ru

The author considers the questions of the legal regulation of social relations that arise in the sphere of the placement of orders for goods, works and services for state (municipal) needs in the Russian Federation and the CIS countries, analyzes the tendencies of legislation improvement in this sphere, as well as in the part of the legal regulation of procurements informational support, and emphasizes the main problems of the legal regulation of procurements informatization.

Key words and phrases: state procurements; Agreement on State Procurements; informational support; electronic auction.

УДК 7.01

Культурология

В статье на примере романа французского писателя Эрика Эммануила Шмитта «Евангелие от Пилата» рассмотрены проблемы интерпретации библейских и евангельских текстов в современной литературе. Особое внимание уделяется образу Иисуса Христа, истории его жизни и жертвенного подвига во имя человечества. Также анализируются коллизии, связанные с историей Понтия Пилата. Показано, как сакральный сюжет помогает автору обратиться к важным современным проблемам.

Ключевые слова и фразы: Евангелие; архетип; образ; символ; литература; инициация.

Яна Дмитриевна Кононова

Кафедра теории и истории культуры

Российский государственный гуманитарный университет

Yana.watel@gmail.com

ОБРАЗ ИИСУСА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХРИСТИАНСКОГО ПРЕДАНИЯ В РОМАНЕ Э.-Э. ШМИТТА «ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ПИЛАТА»[©]

В конце XX столетия Эрик-Эммануил Шмитт быстро превратился в одного из самых известных и даже популярных писателей не только на своей родине, во Франции, но и во всем мире. Его романы, повести,

эссе, драматические сочинения – предмет широчайшего читательского и зрительского интереса, его драматургия даже включена в учебные программы французских университетов. Свою литературную деятельность Шмитт начал как драматург. Первой его пьесой стала «Ночи в Валлони», впоследствии появились и другие пьесы: «Посетитель», «Загадочные вариации», «Распутник», «Фредерик, или Бульвар преступлений», «Отель двух миров», «Школа дьявола» и другие.

В своем творчестве драматург часто обращается к мифологическим образам и персонажам известных литературных произведений. В качестве примера можно привести роман «Евангелие от Пилата» (2000 г.), где присутствует и играет сюжетообразующую роль трансформация и переосмысление христианских образов.

Надо заметить, что весьма неоднозначным в истории культуры является вопрос о соотношении мифологических и архетипических черт и христианских образов, в частности, образа Иисуса Христа. Если для теологов и священнослужителей подобное сопоставление может выглядеть кощунственным, то ученые, занимающиеся изучением мифологии, христианской символики и сюжетов предания отмечают несомненную связь евангельских и библейских сюжетов с сюжетами и персонажами языческих мифов. В частности, Мирча Элиаде посвящает рассмотрению этого вопроса главу «Символика и история» в своей работе «Образы и символы», где убедительно доказывает, что большинство христианских символов было унаследовано из древних мифов и архетипов. Элиаде рассматривает символику Воды как источника всех созидających форм в древнейших мифологиях и заимствование значения этой символики христианством, где вода, во-первых, тоже предстает как первичная стихия, из которой Дух Божий сотворил все остальное, во-вторых, фигурирует практически во всех христианских обрядах, например в крещении. В таком же аспекте рассматривается символ Креста. Элиаде делает вывод, что «библейская и христианская символика, хотя и наделенные историческим, а по сути дела “провинциальным”, содержанием – ибо всякая местная история провинциальна по отношению к истории всемирной, рассматриваемой во всей ее целокупности, – символика эта остается, тем не менее, всеобщей» [9, с. 240].

Итак, можно говорить о сходстве древнейших символов и мифологем с христианской символикой и сюжетами. Но правомерно ли при этом сблизать языческие мифологические фигуры и фигуру Христа? Правомерно ли рассматривать Христа как образ архетипический? Ответ на этот вопрос мы можем найти у исследователей мифов. Об архетипичности Христа говорит Нортон Фрай в своей работе «Анатомия критики». Он рассматривает Христа как архетип «случайной» иронии человеческой жизни – невинную жертву.

Е. М. Мелетинский, анализируя литературные архетипы, отмечает явное сходство образа Христа с архетипическими персонажами. Говоря о существующих в древних мифах особых героях, близких к богам и «принадлежащих к категории “умирающих-воскресающих” <...>, рассказы о которых тесно связаны с культурами плодородия и весеннего оживления природы» [4, с. 28-29]. В числе примеров Мелетинский приводит и Иисуса Христа, который рождается чудесным образом от непорочной девы. «Хорошо знакомое мифу и эпосу “посвящение” имеет в этих легендах иной характер, чем инициация в мифе и сказке. <...> Христос крестится, и на него нисходит Дух Божий. Уже в детстве он проявляет мудрость и чудотворную силу. В его “инициацию” входит и искушение дьяволом в пустыне» [Там же, с. 30]. М. Элиаде также говорит об архетипе инициации применительно к Христу, только с его точки зрения проявляется этот архетип в эпизоде сошествия Христа в ад ради спасения человеческих душ.

Опираясь на процитированные выше работы, мы можем сказать, что в образе Христа воплощаются черты культурного героя древних мифов, а также, страдающего героя-жертвы (возможно, даже сопоставления с образом античной мифологии, таким, как Прометей).

Теперь обратимся к роману Шмитта «Евангелие от Пилата» и проследим, как это произведение взаимодействует с традиционным евангельским сюжетом о Христе, каким образом изображается в романе Иисус Христос: наследует ли он, в версии Шмитта, присущие ему мифологические и архетипические черты, либо Шмитт предлагает нам нового героя.

Первоисточником романа Шмитта послужили канонические Евангелия, которых, как известно, четыре: Евангелие от Матфея, Евангелие от Марка, Евангелие от Луки и Евангелие от Иоанна.

Если говорить о литературных обработках главного христианского сюжета, то наиболее известной из них в XX веке является булгаковская версия, а именно – «ершалаимские» главы из романа «Мастер и Маргарита», или так называемое «Евангелие от Булгакова», Жозе Срамаго «Евангелие от Иисуса».

И вот на рубеже XX–XXI веков Шмитт предлагает свое видение событий двухтысячелетней давности. Роман состоит из двух частей, в одной из которых повествование ведется от лица Иешуа (Иисуса), а в другой – от лица Понтия Пилата. Иешуа строит свое повествование в форме монолога, в котором рассказывает о своей жизни, начиная с самого детства и заканчивая ночью ареста, размышляя в то же время о своей избранности и мессианстве. Именно признание своего мессианства станет основным вопросом, мучающим Иешуа на протяжении всей жизни. Перед нами предстают контрастные образы Иешуа и Иегуды: Иешуа, которого мучают вечные сомнения, и Иегуда – его любимый ученик, а не предатель, непоколебимый в своей вере, готовый на любую жертву ради Учителя.

Во второй части Понтий Пилат проводит расследование, о котором мы узнаем из писем, адресованных Титу, где Пилат безнадежно пытается разоблачить деяния Иешуа. Но постепенно все выстраиваемые прокуратором рациональные объяснения рушатся одно за другим. Пилат вынужден признать, что речь здесь идет о тайне. Таким образом, в «Евангелии от Пилата» автор стремится показать неуверенность обоих героев, Иешуа и Пилата, одного – в своей избранности, а другого – в возможности существования сверхъестественных, не объяснимых рационально явлений.

Используя канонические четыре Евангелия в качестве первоисточника, Шмитт сохраняет некоторые их сюжетные ходы и отдельные детали, некоторые же подвергает трансформации. В «Евангелии от Пилата» мы можем встретить фразы, целиком перенесенные из канонических Евангелий:

«Подставь левую щеку» [2, с. 49], «Если кто-либо следует за тобой, но не может оставить мать и отца, брата и сестру, жену и детей, не может быть твоим учеником» [Там же, с. 71], «Кесарю кесарево, а Богу богово» [Там же, с. 78], «Один из вас предаст меня» [Там же, с. 84], «Отец мой, почему ты оставил меня?» [Там же, с. 87], «Отец прости их, ибо не ведают, что творят» [Там же, с. 120].

Таких прямых цитат из Евангелий много.

Шмитт, опираясь на первоисточники, сохраняет за собой право собственной интерпретации и собственного переосмысления сюжета и отдельных деталей.

Важным символом, заимствованным из первоисточников, у Шмитта является символ Рыбы, связанный с Иисусом Христом. Символ Рыбы был уподоблен Иисусу, поскольку греческие инициалы «Иисус Христос – Сын Бога, Спаситель» пишутся как *Ιησους*, что и означает «рыба»: *Ieous* (Иисус) *Christos* (Христос) *Theou* (Бога) *Uios* (Сын) *Soter* (Спаситель). Символ Рыбы стал тайным знаком первых христиан, знаком, по которому они могли узнать друг друга. Об этом тайном знаке говорит и Пилат: «Несколько раз, во время привалов, я замечал, что на песке нарисованы рыбы. <...> В мою голову вкралось подозрение, что это может быть знак. Я <...> обратился к одной женщине, у которой на шее висело изображение рыбы, и спросил, что это значит. – Как? Ты не знаешь? Это – знак Иешуа. “Рыба” по-гречески будет “*Ιησους*”, что дает нам инициалы “Иешуа Христос – Сын Божий, Спаситель”. Мы используем это как знак единения и распознавания своих» [8, с. 251]. Помимо этого, Рыба также является для христиан символом крещения и вечной жизни.

Еще одним важным образом, взятым из Евангелий, стал образ змея. В библейской традиции змей является символом греха, соблазна, дьявольских козней. Э.-Э. Шмитт сохраняет данную коннотацию символа и тоже применяет его для обозначения зла, на что указывают два эпизода. Первый связан с пребыванием Иешуа в пустыне: «На тридцать девятый день пребывания в пустыне я решил вернуться к людям. Я обрел больше, чем надеялся обрести. Но когда подходил к прохладной, укрытой тенью реке Иордан, увидел на земле мертвую змею. Пасть ее была открыта, змея уже разлагалась, <...> но ее желтые мертвые глаза словно лучились ядовитой усмешкой. Меня вдруг поразила страшная мысль: а если меня искушал дьявол?» [Там же, с. 43–44].

Второй эпизод связан с появлением воскресшего Христа перед апостолами: «Потом он благословил нас: “Идите по всему свету и возвестите Радостную Весть всем людям. <...> А знаком, по которому узнают тех, кто поверил, будет то, что их будут сопровождать чудеса: <...> если возьмут в руки змей или выпьют яд, это не причинит им вреда”» [Там же, с. 257].

Как мы можем видеть, Шмитт во многом следует библейской традиции, сохраняя многие детали и мотивы в своем романе, однако, несмотря на близость к каноническим текстам, Шмитт создает новое произведение, предлагает свой взгляд и свою оценку происходящих событий. Меняет Шмитт и некоторые детали, а прежде всего – имена героев. Он использует не греческие, а арамейские варианты имен: Иешуа, Мириам, Иоханан, Иегуда. Для чего Шмитту понадобилось изменять имена, если можно было воспользоваться привычными «Иисус», «Мария», «Иоанн» и т.д.? На наш взгляд, делается это в первую очередь для того, чтобы максимально приблизить историю, ставшую главным мифом христианства, к реальности; чтобы изменить застывший образ Иисуса в сознании христиан, уделить, в отличие от Евангелий, больше внимания его человеческой, а не божественной природе.

Проанализируем образы двух ключевых фигур повествования более подробно.

Как мы уже упоминали, первая часть шмиттовского романа, обозначенная автором как пролог, представляет собой внутренний монолог (исповедь) Иешуа, в котором он рассказывает о событиях своей жизни, тщательно обдумывая и оценивая их. Перед нами рефлектирующий герой. В вечер ареста Иешуа вспоминает свою жизнь, тот путь, что привел его к этому итогу. Исповедь начинается с воспоминаний о детстве Иешуа, которое полностью вымышлено Э.-Э. Шмиттом. В частности, вымышлены братья и сестры Иешуа. Правда, в некоторых апокрифических источниках встречаются упоминания о брате Иисуса, но в четырех Евангелиях ничего подобного нет. Также мы не находим рассказов о детстве Иисуса ни в одном из Евангелий. Лишь в Евангелии от Луки мы встречаем эпизод об Иисусе в возрасте двенадцати лет. «Каждый год родители Его ходили в Иерусалим на праздник Пасхи. И когда Он был двенадцати лет, пришли они также по обычаю в Иерусалим на праздник. Когда же, по окончании дней праздника, возвращались, остался Отрок Иисус в Иерусалиме; и не заметили того Иосиф и Матерь Его, но думали, что Он идет с другими. Пройдя же дневной путь, стали искать Его между родственниками и знакомыми и, не найдя Его, возвратились в Иерусалим, ища Его. Через три дня нашли Его в храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их; все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его. И, увидев Его, удивились; и Матерь Его сказала Ему: Чадо! что Ты сделал с нами? Вот, отец Твой и Я с великою скорбью искали Тебя. Он сказал им: зачем было вам искать Меня? или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему? Но они не поняли сказанных Им слов. И Он пошел с ними и пришел в Назарет; и был в повиновении у них. И Матерь Его сохраняла все слова сии в сердце Своем. Иисус же преуспевал в премудрости и возрасте и в любви у Бога и человеков» [2, с. 52].

Примечательно, что, рассказывая о детстве Иешуа, Шмитт не упоминает этот евангельский эпизод, так как ответ, данный Иисусом, говорит о его мудрости и божественной избранности, тогда как Шмитту важно показать Иешуа как обычного человека. Иешуа-ребенок представляет себя всемогущим Богом, но это не делает его кем-то исключительным, таковы все дети его возраста. «Я словно заглянул в глаза смерти. Я!

Иешуа! Обычно смерть меня не касалась. <...> Нет, я не был всемогущим. Нет, я не знал всего. Быть может, я не был бессмертен. Одним словом: я не был Богом. Ибо полагаю, что, как все дети, вначале решил, что я Бог. До семи лет я не сталкивался с противодействием мира. Я ощущал себя царем, всемогущим, всезнающим и бессмертным... Считать себя Богом — обычный удел детей, которых никогда не наказывали <...> В семь лет ребенок окончательно перестал быть Богом» [8, с. 11–12]. Сохраняя связь между ребенком и Богом, Шмитт объясняет ее свойствами детского сознания и восприятия мира.

Далее мы видим, как по мере взросления Иешуа меняются его взгляды: воспринимаемая им несправедливость мира побуждает его к бунту против Бога. «Каждый день приносил мне новые доводы в пользу гнева. И у гнева моего были женские имена: Юдифь, Рахиль <...> У всех этих преступлений было одно имя — Закон. А у Закона был автор — Бог. Я решил, что не буду больше любить Бога. Я винил Бога <...>; я стремился к более справедливому и любящему миру; я настраивал мироздание против Бога <...> Мне нужен был Бог, жаждущий справедливости и любви. Но Бог не держал своих обещаний» [Там же, с. 16–17].

Этот эпизод бунта Иешуа целиком и полностью является вымыслом Шмитта, ибо невозможно представить подобное в Евангелиях. Иешуа изначально показан читателю как человек, думающий, ищущий, сомневающийся. Еще один эпизод, вымышленный автором и раскрывающий человеческую сущность Иешуа — влюбленность в Ревекку. Здесь мы видим Иешуа, охваченного страстью к женщине, как обыкновенный человек. Он влюблен, счастлив и намерен жениться. Однако исход и смысл этого эпизода представлены Шмиттом в истинно евангельском духе: в момент наивысшего личного счастья Иешуа понимает, что такое счастье глубоко эгоистично, и он как избранник не имеет на это права: «Счастью я предпочел любовь. Но не ту любовь, которую испытывал к Ревекке <...> Я больше не хотел любви частной, я желал всеобщей любви» [Там же, с. 25].

Постепенно люди начинают воспринимать Иешуа как мудреца, они приходят к нему за советом, и он говорит с ними. Однако его терзают сомнения: вправе ли он советовать, вещать от имени Бога? Не является ли его утверждение истин всего лишь следствием тщеславия? Чтобы преодолеть сомнения и очиститься от грехов, Иешуа отправляется к Иоханану Омывающему (Иоанну Крестителю). И Иоханан впервые называет его избранником Бога. Здесь уточним, что, используя евангельский эпизод крещения Христа, Шмитт изменяет многие детали, в частности, убирает все чудесное из этой сцены. В канонических Евангелиях мы читаем, что во время крещения на Иисуса с небес спускается голубь и раздается божественный голос, повествующий о том, что сей есть Сын Бога. Это, несомненно, указывает на избранность Иисуса. В версии Шмитта никакого божественного голоса нет, правда, голубь все-таки появляется, но сам Иешуа этого не видит, так как находится без сознания, а узнает об этом позднее от женщин, присутствующих рядом. Таким образом, Шмитт сводит до минимума все чудесное, что связано с божественностью Иисуса в этом традиционном евангельском эпизоде. Далее мы увидим, что стремление к рациональному объяснению чудесного постоянно присутствует в романе и оказывается свойственным не только римлянину Пилату, но и самому Иешуа.

Главным отличием шмиттовского Иешуа от канонического Иисуса является тот факт, что Иешуа не принимает на себя роль Мессии по собственной воле, во всяком случае вначале. Он не провозглашал себя Учителем и Избранником, напротив, когда его спрашивали об этом, он отказывался от такой роли: «Я — никто. Я не понимаю, что сказал Иоханан. Я всего лишь плохой плотник и плохой верующий, который пришел из Назарета» [Там же, с. 39–40]. Можно утверждать — что здесь Шмитт нарушает евангельскую традицию, заставляя Иешуа отказываться от его призвания Мессии. Чтобы обрести душевное равновесие и гармонию с самим собой, перестать быть лишь «эхом чужих голосов», Иешуа бежит в пустыню. Там он обретает веру. «Я не нашел себя в глубине пустыни. Нет. Я нашел Бога» [Там же, с. 43]. В канонических Евангелиях Иисус удаляется в пустыню, чтобы избежать искушения дьявола. Мотив искушения, олицетворением которого является мертвая змея, присутствует и у Шмитта, но итог бегства в пустыню здесь оказывается иным, нежели в традиционных версиях.

Последняя ночь, проведенная в пустыне, вновь возродила все сомнения Иешуа: в его душу закрадывается подозрение о собственном тщеславии, гордыне. «Я не получил ответа на свои вопросы. Но утром сорокового дня я, наконец, пришел к согласию с самим собой. Суть соглашения была в том, что я поверил: мои погружения, тяжкие размышления вели меня к Богу, а не к сатане. Я поверил, что мне предстоит совершить что-то хорошее. Я поверил в себя» [Там же, с. 44].

Как отмечалось выше, мотив бегства Иисуса-Иешуа в пустыню и эпизод искушения дьяволом можно трактовать как обращение к архетипу инициации героя. Суть обряда инициации заключается в обретении героем самого себя посредством прохождения испытаний. Мы можем говорить о том, что Шмитт сохраняет архетипические основы в эпизоде в пустыне, поскольку Иешуа покидает это место преображенным, т.е. обретшим свою собственную личность, поверившим в свое предназначение.

Рассказывая о странствиях Иешуа и его учеников, Шмитт в основном следует евангельской канве событий, отходя от нее лишь в том, что родственники Иешуа, включая его мать Мириам, не могут принять и познать его новые цели и призывают образумиться.

Зато разительное несходство с традиционной трактовкой проявляется в изображении Шмиттом чудес, творимых Мессией. Эти чудесные деяния являются особо важными во всех четырех Евангелиях, так как именно после их осуществления народ уверует в Иисуса. Эти чудеса многочисленны и подробно описаны. Шмитт сохраняет только исцеление больных и воскрешение мертвых, но наделяет эти деяния смыслом, абсолютно противоположным евангельскому. Сам Иешуа относится к ним отрицательно: «Неприятности начались с моими первыми чудесными исцелениями. Я не знал, какие из дел моей жизни сохранит будущее,

но не хотел, чтобы распространился слух, который уже мешает мне <...> мне не нужна репутация чудотворца. <...> Мне приписывали чудеса, не имевшие ничего общего с моими исцелениями» [Там же, с. 52-54]. Шмитт дискредитирует чудеса словами самого Иешуа, давая рациональное объяснение волшебству. «Они видели меня умножающего хлеб в пустых корзинах, вино в пустых кувшинах, форель в пустых сетях. Все это действительно было со мной, но оно должно иметь рациональное объяснение» [Там же, с. 54].

Важно то, что Иешуа сам сомневается в реальности своих деяний, а также в их правомерности, можно даже сказать – в этическом смысле, что показано в эпизодах воскрешения мертвых. Подобных эпизодов в «Евангелии от Пилата» два: воскрешение мальчика, сына Ревекки (оба персонажа вымышлены автором), и воскрешение Лазаря. Но в первом воскрешении Иешуа не уверен, в отличие от своих учеников и других людей. Обращаясь к Иегуде, он говорит: «Ты, как и я, знаешь, как трудно распознать смерть. <...> Быть может ребенок вовсе не был мертв? А просто крепко уснул?» [Там же, с. 65].

Главное отличие Иешуа в романе Э.-Э. Шмитта от Иисуса Нового Завета состоит в постоянных сомнениях первого, в отказе безоговорочно верить Богу и в сомнениях принять свою судьбу Мессии как его дар. Как видим, позиция шмиттовского Иешуа прямо противоположна Иисусу.

Совершив второе воскрешение, Иешуа вновь терзается сомнениями. Он воспринимает это чудо как нечто несправедливое, так как Бог помог совершить это чудо, для подтверждения избранности и божественной сущности Иешуа. Он думает даже, что он нарушил покой Лазаря. «Лазарь сидел рядом со мной. И смотрел на меня с большим изумлением, страхом, удивлением и оцепенением. Лазарь, ты исцелен. Его черты лица ничего не выражали, глаза его закатились, как будто он спал. Отец мой сотворил это чудо, чтобы убедить меня, и только меня, объяснить, что я воскресну, и в отличие от Лазаря смогу говорить. Он пожертвовал Лазарем ради меня. Воскрешения Лазаря для меня, а не для Лазаря. Как репетиция пред спектаклем... Бедный Лазарь...» [Там же, с. 81–82]. Этот эпизод взят Шмиттом из Евангелия от Иоанна (11:1–43). Здесь воскрешение Лазаря является ответом Иисуса Марфе и Марии на их пылкие мольбы. Они уверовали в Иисуса, и Он воскресил их брата. В этом отличие «Евангелия от Пилата» от канонических Евангелий: чудеса, свершаемые Иешуа, это не дар своим близким, а подтверждение собственного мессианства.

В итоге, поверив своим ученикам и знакам свыше, Иешуа наконец принимает свою судьбу и готов умереть ради спасения других. Он беседует с Иегудой и приходит к окончательному решению. Но это не означает, что прежние сомнения оставили его, и в последнюю ночь он сомневается, тем не менее, готов к последнему испытанию: «Великое доказательство, единственное доказательство будет предъявлено только после моей смерти. <...> Боже, сделай так, чтобы в последнее мгновение я оказался на высоте своей судьбы. Чтобы боль не заставила меня усомниться. Я выдержу, буду тверд. <...> Я боюсь. Я сомневаюсь. Я жажду спасения. Отец мой, почему ты оставил меня?» [Там же, с. 86–87]. До последнего момента главным в образе Иешуа остается его «человеческое, слишком человеческое»: его сомнения, неуверенность, но и его твердость тоже.

Создавая новую биографию Иешуа-Иисуса, Шмитт трансформирует многие черты евангельского Иисуса. Выше мы говорили о том, что фигура Христа наделена некоторыми чертами архетипа культурного героя: чудесное рождение, спасение от избиения царем, инициацию, чудесные деяния и, в варианте страдающего героя, мученичество или самопожертвование.

В романе Шмитта некоторые черты культурного героя, несомненно, сохраняются, однако приобретают новый смысл. Мы уже рассматривали эпизод, в котором изображается детство Иешуа. Иешуа-ребенок ничем особенным не отличается от других детей. И мы не встретим в романе ни одного упоминания о непорочном зачатии или избиении младенцев. Инициация архетипического героя и его чудесные деяния в биографии Иешуа присутствуют, но Шмитт каждый раз снимает их сакральное значение: Иешуа не может преодолеть сомнений в своей избранности. Он ищет рациональные объяснения чудесам и настаивает на своей человеческой природе.

В целом, сохраняя внешнюю событийную канву евангельского сюжета, Шмитт предлагает новое, подчас противоположное прежнему содержание, изменяет смысл событий, разрушает привычные представления о судьбе и жертве Иисуса.

Список литературы

1. Барт Р. Мифологии. М., 1996. 313 с.
2. Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: канонические. М.: Рос. библейское о-во, 2000. 1337 с.
3. Литература и мифология / науч. ред. А. Л. Григорьев. М., 1975. 143 с.
4. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. 136 с.
5. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Вост. лит., 2000. 406 с.
6. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследование в области мифопоэтического. М.: Культура, 1995. 624 с.
7. Фрай Н. Анатомия критики. М.: Директ-Медиа, 2007. 82 с.
8. Шмитт Э.-Э. Евангелие от Пилата. М.: АСТ; НПП «Ермак», 2003. 270 с.
9. Элиаде М. Образы и символы // Элиаде М. Миф о вечном возвращении. М., 2000. С. 228–251.
10. Юнг К. Г. Аналитическая психология: прошлое и настоящее. М.: Мартис, 1995. 309 с.
11. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. М.: Совершенство, 1997. 383 с.
12. Caillois R. Ponce Pilate. P.: Gallimard, 1961. 315 p.
13. Meyer M. Eric-Emmanuel Schmitt ou les identités bouleversées. P.: Albin Michel, 2004. 214 p.

**JESUS'S IMAGE AND CHRISTIAN LEGENDS INTERPRETATION
IN E.-E. SCHMITT'S NOVEL "THE GOSPEL ACCORDING TO PILATE"**

Yana Dmitrievna Kononova

*Department of Culture Theory and History
Russian State University for the Humanities
Yana.watel@gmail.com*

The author, by the example of the French writer Eric-Emmanuel Schmitt's novel "The Gospel According to Pilate", considers the problems of biblical and evangelical texts interpretation in modern literature, pays special attention to the image of Jesus Christ, the history of his life and sacrificial heroism in the name of humanity, also analyzes the collisions related to the history of Pontius Pilate, and shows how sacral plot helps the writer turn to important contemporary problems.

Key words and phrases: Gospel; archetype; image; symbol; literature; initiation.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием, становлением и началом боевого пути одного из множества воинских формирований Белого юга, созданных в 1919 г., – Кавказской армии. Показаны причины, побудившие Белое командование в мае 1919 г., после разгрома 10 Красной армии Южного фронта Рабоче-Крестьянской Красной Армии под Великокняжеской, создать из разрозненных белых кавалерийских соединений единый боевой кулак, поставить во главе него прославленного генерала-кавалериста П. Н. Врангеля. Описан штурм и взятие этой армией «Красного Вердена» – Царицына.

Ключевые слова и фразы: Гражданская война; Белое движение; Кавказская армия; Врангель; Деникин; Кутепов; Дон; Волга; Великокняжеская; Царицын.

Владимир Борисович Лобанов, к. ист. н.

Кафедра истории и права

Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет

lobanov19772009@yandex.ru

**КАВКАЗСКАЯ АРМИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЮГА РОССИИ:
НАЧАЛО БОЕВОГО ПУТИ ОТ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЙ ДО ЦАРИЦЫНА[©]**

История создания и существования новых белогвардейских вооруженных формирований на Юге России в 1919 г. очень примечательна. Не является в этой связи исключением и Кавказская армия, которая была обязана своим возникновением той напряженной обстановке, которая сложилась на южном фронте Гражданской войны на рубеже 1918-1919 гг. Поражение Центральных держав в Мировой войне позволило советскому военному командованию в конце 1918 г. развить успешное наступление против сил южнорусской контрреволюции, в частности Донской армии. К началу 1919 г. донские части потерпели полное поражение на всех участках фронта, в том числе и под Царицыным, были отброшены от его стен частями 10 Красной армии бывшего полковника царской армии, военспеца А. И. Егорова и к марту 1919 г. заняли позиции на р. Маныч [3, с. 385]. Здесь красным противостояли разрозненные деморализованные донские казачьи части, отброшенные от Царицына (до 15 тыс. человек) и части Кавказской Добровольческой армии, перебрасываемые с Северного Кавказа в Донбасс на помощь донцам.

Первоначально добровольцы здесь были представлены группой генерала А. П. Кутепова, она по утверждению Главкома ВСЮР (Вооружённые силы Юга России) генерала А. И. Деникина насчитывала в своих рядах до 11 тыс. бойцов, однако боеспособным был только 2-й Кубанский казачий корпус генерала С. Г. Улагая [4, с. 6]. Из сводки же о боевом составе ВСЮР к 7 (20) марта 1919 г. выясняется, что в корпусе на этот момент было менее 4 тыс. штыков и сабель, 20 тяжелых и легких орудий, 62 пулемета и 1 броневик [12, д. 4, л. 87]. 10 Красная армия на февраль 1919 г. насчитывала 66,5 тыс. человек, 240 орудий и 922 пулемета [3, с. 384], на подходе же к Манычу состав армии снизился до 30 тыс. На стороне красных была стратегическая инициатива, они постепенно теснили белых к их жизненно важным центрам, угрожали выйти в тылы ВСЮР [6, с. 662-663]. Сознвая эту угрозу, А. И. Деникин отдает приказание командованию Кавказской Добровольческой армии (группа А. П. Кутепова была ее составной частью), по мере сосредоточения в районе Маныча, наступать в царицынском направлении [12, д. 8, л. 1]. Во главе армии временно по болезни генерала П. Н. Врангеля находился его начштаба генерал Я. Д. Юзефович. В течение марта-апреля происходили ожесточенные встречные бои, инициатива все еще принадлежала красным. Советское военное руководство настаивало на окончательном разгроме южной контрреволюции [5, с. 406]. Сам глава Советского правительства В. И. Ленин в это время проявлял интерес к этому участку Гражданской войны, выражал опасения по поводу хода советского наступления: «Я крайне обеспокоен замедлением операций против Донецкого бассейна и Ростова. Ускорение необходимо, но, конечно, лишь с серьезными силами» [Там же, с. 413].